

На перевалѣ.

С. Ю. Витте.

Старая истина, что вещи познаются сравненіемъ. Когда умираетъ государственный человѣкъ, мы ищемъ въ прошломъ такого, ростомъ котораго могли бы измѣрить только что отошедшаго.

Съ кѣмъ сравнить С. Ю. Витте? Перебирая дѣятелей послѣднихъ трехъ-четырехъ десятилѣтій, почти все писавшіе о покойномъ пришли къ выводу, что Витте выше ихъ всѣхъ. А если сравнить его съ дѣятелями первой половины XIX вѣка, съ Милютинными, Канкриннымъ, Киселевымъ, Сперанскимъ? Знакъ равенства, и то съ большими оговорками, ставили только между Сперанскимъ и Витте. Все остальные явно ниже. Но, главное, даже между Сперанскимъ и Витте проводить параллель нельзя. Слишкомъ ужъ все это разные люди. Сперанскій былъ величайшій русскій бюрократъ, можно сказать, героическій типъ бюрократа, съ его положительными и отрицательными сторонами. Онъ обладалъ высоко развитой интеллектуальной совѣстью, чувствомъ права. Витте какъ бы совершенно не зналъ такихъ чувствъ. У Сперанскаго, въ его лучшіе годы, пока онъ не былъ сломленъ оналой, надъ всемъ главенствовала логика разума, честно дѣлавшая выводы изъ посылокъ. Витте гнулъ и логику и послѣдовательность, какъ все, что мѣшало ему для достиженія данной цѣли въ данное время. Въ 1893 году онъ взялъ „подъ свою высокую руку“ общину, въ 1902 году онъ нанесъ ей самые страшные удары. Врагъ земства и конституціи, онъ сталъ на дѣлѣ конституціонализмомъ и искалъ союза съ земцами. Одинъ изъ авторовъ правилъ о сдачѣ студентовъ въ солдаты, онъ однимъ изъ первыхъ подалъ свой голосъ за университетскую автономію. Собирался строить Сибирскую дорогу на особыя сибирскія „кредитки“ и обезсмертилъ себя введеніемъ золотой валюты. Противорѣчій въ его дѣятельности не оберешься. Съ точки зрѣнія идейности, послѣдовательности, логичности Сперанскій выше. Но взгляните съ другой стороны. Примѣните масштабъ

творчества и сразу вы почувствуете, что Сперанскій малокровный, съроватый бумажный человекъ, а Витте—неуклюжій гигантъ съ бьющей черезъ край силой, съ неиссякаемымъ запасомъ творчества. Сперанскій писалъ, Витте творилъ.

Пробѣжимъ мысленно дѣятельность Лорисъ-Меликова, Милютинныхъ, Киселева, Канкринъ. Во многихъ отношеніяхъ и они выше Витте. Моральный строй братьевъ Милютинныхъ, конечно, выше: на ихъ слово всегда можно было положиться. Канкринъ былъ аккуратнѣе, послѣдовательнѣе, онъ умѣлъ съ большей энергіей и охотой защищать государственную казну отъ „дырявыхъ атласныхъ кармановъ“, чѣмъ то дѣлалъ Витте, систематически кормившій подачками аристократовъ. У Киселева мы скорѣе найдемъ подлинную заботу о крестьянствѣ, чѣмъ у Витте, склонившагося въ послѣдніе годы въ сторону крестьянства по соображеніямъ явно демагогическаго свойства.

Все это такъ. И все же въ общемъ едва ли можно серьезно спорить, что Витте выше всѣхъ этихъ государственныхъ дѣятелей, что онъ и богаче ихъ по дарованіямъ и плодovitѣе по результатамъ своей дѣятельности. Казенныя желѣзныя дороги, желѣзнодорожное строительство, система тарифовъ, система международныхъ торговыхъ договоровъ, насажденіе крупной капиталистической промышленности на иностранныя капиталы, введеніе золотой валюты, казенная винная монополія, представляющая по освобожденіи ея отъ фискальныхъ цѣлей великое благо для страны, насажденіе коммерческихъ школъ и устройство грандіозныхъ политехникумовъ, наконецъ, первые серьезные шаги по пути введенія въ странѣ началъ свободы совѣсти и конституціоннаго строя. Есть ли у насъ, не только за послѣднія 40 лѣтъ, государственный дѣятель, который могъ бы представить балансъ своей дѣятельности, подобной этому?

Чтобы оцѣнить личность и дѣятельность только что скончавшагося государственнаго человека, мы должны обратиться мыслью къ началу XVIII столѣтія. Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній скажу сразу, что я вовсе не собираюсь приравнивать Витте къ Петру Великому. Конечно, не только по мѣсту, дававшему ему больше власти, простора и возможностей, но и по дарованіямъ Петръ Великій былъ выше. Витте получилъ университетское образованіе. Русская жизнь дала ему въ руки азбуку и необходимыя первоначально орудія. Онъ легко нашелъ десятки и тысячи помощниковъ и исполнителей, изъ которыхъ многіе, быть можетъ, были не ниже его. Петръ Великій пробивалъ себѣ дорогу самоучкой, собственноручно кулаками расчищалъ пути. Кромѣ власти, тутъ нуженъ былъ и гений, когда, по выраженію Посошкова, царь „на гору еще и самъ-десять тянетъ, а подъ горы миллионы тянутъ“.

Не приравнивая вовсе Витте къ Петру, нельзя однако не замѣтить,

что и въ характерѣ ихъ личностей, въ духовномъ и моральномъ складѣ, и въ приемахъ работы были общія черты.

Прежде всего и тотъ и другой были творцами. Жить для нихъ означало творить, создавать. Витте, конечно, былъ человекъ огромнаго честолюбія и властолюбія. Въ борьбѣ за власть онъ нерѣдко пускалъ въ ходъ предосудительные приемы. Цѣпляясь за власть, онъ нерѣдко пренебрегалъ моральнымъ достоинствомъ своей личности. Но было бы несправедливо утверждать, что власти онъ добивался, какъ орудія для достиженія богатства, почестей, личныхъ наслажденій. Онъ не отказывался отъ богатства и любилъ почести, особенно придворныя, но въ основѣ его воли къ власти лежало всетаки стремленіе къ творчеству, къ созданію большихъ дѣлъ. Онъ любилъ процессъ работы и созиданія, движеніе миллионѣвъ, возникновеніе желѣзныхъ дорогъ и огромныхъ фабрикъ, оживленіе цѣлыхъ областей и вовлеченіе ихъ въ промышленный оборотъ страны.

Какъ творческая натура, Витте въ высокой степени обладалъ способностью „использовать“ людей. Онъ умѣлъ окружать себя помощниками и легко и скоро создавалъ кадры прекрасныхъ, честныхъ и образованныхъ работниковъ. Составъ чиновниковъ въ министерствѣ финансовъ, податномъ, акцизномъ и другихъ вѣдомствахъ со временъ Витте стоялъ очень высоко. Послѣ введенія судебной реформы Витте, можно сказать, былъ въ Россіи первымъ министромъ, извлекшимъ изъ высшаго образованія наибольшую долю практической полезности, которую оно можетъ дать. Витте ни передъ чѣмъ не останавливался для привлеченія къ дѣлу подходящихъ людей. Онъ не ограничивался открытіемъ дверей службы для „красныхъ“. Онъ отлично зналъ, что бюрократическая мельница великолѣпно перемелетъ въ надлежащей степени всякую „неблагонадежность“. Онъ умѣлъ приспособлять для своихъ задачъ и людей, ускользавшихъ отъ бюрократическаго мундира. Производствомъ оцѣночныхъ работъ онъ далъ возможность земствамъ создать огромную армію статистиковъ. Развѣтвѣніемъ городовъ и промышленности онъ обогатилъ кассы губернскихъ земствъ и тѣмъ косвенно содѣйствовалъ огромному подъему работы губернскихъ земствъ. Для борьбы съ аграріями, мѣшавшими ему при заключеніи торговыхъ договоровъ, онъ оперся на народническихъ экономистовъ, выдвинувшихъ теорію выгоды для страны низкихъ цѣнъ на хлѣбъ. Въ борьбѣ за золотую валюту онъ опирался на экономическую науку, а для защиты промышленниковъ отъ аграріевъ умѣлъ пользоваться и борьбой марксистовъ съ народниками. Когда общественныя силы страны стали явно перерастать формы полицейскаго строя, Витте созданіемъ комитетовъ совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности далъ сильный толчокъ общественной мобилизаціи.

На этомъ умѣнши „использовать“ людей сказались и отрицательныя свойства моральной личности Витте. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ доходилъ до цинизма. Онъ былъ увѣренъ, что всѣхъ можно купить, что все продается. „Все зависитъ отъ цѣны“, какъ отвѣчалъ Морни императрицѣ Ея Величества, возмущенной его циничнымъ взглядомъ на женщинъ. Известно, что изъ своей знаменитой и, дѣйствительно, двусмысленно записки „Самодержавіе и земство“, доказывавшей несомнѣтельность земаго самодержавіемъ, Витте сдѣлалъ одинъ выводъ, когда требовалось свалить Горемыкина, и другой, когда пришлось считаться съ рашинскимъ земскимъ движеніемъ.

По основной цѣли своей дѣятельности Витте былъ продолжателемъ дѣла Петрова. Европеизація Россіи, которую онъ считалъ немислимою въ капиталистической индустриализаціи ея, была той осью, вокругъ которой вращались всѣ многочисленные реформы и планы Витте. При разномъ образѣ и нерѣдко противорѣчивости средствъ цѣль оставалась одною.

По методу дѣйствій прообразомъ Витте являлся тоже Петръ Великій. Первый русскій просвѣщенный абсолютистъ имѣлъ въ Витте восторженнаго поклонника. Всѣ симпатіи Витте лежали на сторонѣ самодержавнаго абсолютизма. Только абсолютизмъ далъ ему возможность осуществить важнѣйшія реформы—таково было самое задушевное убѣжденіе Витте. Введеніе золотой валюты многими считается величайшимъ дѣломъ Витте. Оно было проведено помимо Государственнаго Совѣта съ нарушеніемъ нормальнаго законодательнаго порядка, установленнаго Основными законами Александра I и Николая I. Введеніе казенной винной монополіи—неоднократно говорилъ Витте—возможно было только при самодержавіи; во Франціи, въ Англіи и въ С. Штатахъ мѣра эта натолкнулась бы на непреодолимое сопротивленіе заинтересованныхъ элементовъ.

По ироніи исторіи или, если угодно, по естественному ходу „діалектическаго“ развитія общественной жизни министру-абсолютисту въ царствованіе государя, наиболѣе высоко цѣнившаго самодержавное начало и пришлось подготовить тѣ силы, которыя дѣлаютъ неизбѣжнымъ переходъ къ конституціоннымъ порядкамъ. Ростъ общественнаго богатства и знаній, рожденіе сильныхъ группъ людей, добывающихъ средства къ жизни въ службѣ и землевладѣніи, распространеніе вширь и вглубь образованности, усложненіе оборота, требующее болѣе совершеннаго прочнаго правопорядка и болѣе культурной администраціи,—таковы необходимыя для перехода къ конституціонному строю условія. С. Ю. Витте много поработалъ для ихъ подготовки. Развитіе классовыхъ противорѣчій и наличность въ странѣ промышленнаго пролетаріата служатъ необходимыми средствами и орудіями перехода. „Національная“ политика послѣднихъ лѣтъ XIX вѣка подготовила и эти орудія.

Въ отношеніи къ Витте „пронія исторіи“ зашла такъ далеко, что ему самому пришлось и осуществлять этотъ „переходъ“, играть въ немъ одну изъ самыхъ отвѣтственныхъ ролей. Это случается не часто. Тутъ-то и обнаружилось, что новая роль С. Ю. Витте, тогда уже графу, не по плечу. Ни по своей предыдущей дѣятельности, ни по своему моральному облику Витте не годился въ министры, способные облегчить всегда болѣзненное вступленіе свободныхъ представителей общества въ ряды правящихъ силъ.

Въ послѣдніе мѣсяцы 1905 года гр. С. Ю. Витте бывалъ временами прямо жалокъ. Онъ растерялся, не понималъ, ни что вокругъ него творится, ни съ кѣмъ и какъ надо разговаривать. Онъ, оказывается, дѣйствительно вѣрилъ, что послѣ Манифеста 17 октября общество съ массами благодарности кнѣтся ему на шею и бурная общественная жизнь превратится въ идиллію. Его оскорбляло, злило, приводило въ недоумѣніе и прямо доводило до слезъ, что этого не случилось. Помню разговоръ съ покойнаго О. Я. Пергаментъ, просидѣвшаго у него два часа и въ злобой затѣмъ говорившаго: думалъ увидѣть государственнаго челоука, а нашелъ старую болтливую и слезливую бабу. Отзывъ, быть можетъ, и слишкомъ рѣзкій, но достаточно припомнить навную телеграмму Витте къ „братцамъ-рабочимъ“, чтобы признать нѣкоторую наличность оснований и для такихъ впечатлѣній. Ни съ земцами, ни съ другими общественными дѣятелями гр. Витте не нашелъ общаго языка. Противъ черносотенцевъ оказался безсиленъ. Теряя довѣріе въ конституціонно-либеральныхъ кругахъ, Витте терялъ въ то же время и всякое вліяніе наверху. Онъ не могъ найти, не могъ дать обществу и народу живого общественнаго дѣла, не сумѣлъ твердою рукой быстро прорыть достаточно глубокіе каналы, по которымъ потекла бы возбуденная энергія. Надо было немедленно дать возможность слагавшимся общественнымъ силамъ открыто проявиться вовнѣ и, ограждая порядокъ на улицахъ, безопасность личности и имущества, предоставить народу правильной общественной кристаллизаціи. Задача была огромной трудности, быть можетъ, и вообще невыполнимая. Графу Витте во всякомъ случаѣ она оказалась не по плечу.

Когда гр. Витте понялъ необходимость опереться на какую-либо общественную силу, онъ, во-первыхъ, былъ уже на три четверти лишень власти, а, во-вторыхъ, увлекся утопической черносотенно-народнической идеей, что въ Россіи можно поддержать прогрессивный абсолютизмъ, противопоставивъ демократическую, но преданную устоямъ, крестьянскую массу отвлеченно-либеральной интеллигенціи. Утопизмъ этой идеи не замедлилъ обнаружиться. Такой, во всѣхъ отношеніяхъ ниже Витте стоящій человекъ, какъ П. А. Столыпинъ, получилъ возможность впоследствии торжествовать легкую побѣду надъ своимъ страш-

нымъ врагомъ. Отвѣчая на одинъ изъ „демократическихъ“ выпадовъ гр. Витте въ Государственномъ Совѣтѣ, П. А. Столыпинъ не безъ злорадства напомнилъ ему, что его „карта“ была „бита“ на выборахъ въ первую Государственную Думу.

Послѣдніе годы жизни Витте напоминали угасаніе Бисмарка. То же будированіе, тѣ же постепенно угасавшія порыванія къ власти. Порою онъ наносилъ своимъ врагамъ мощные удары, порою производилъ тягостное впечатлѣніе.

Судьба была относительно милостива къ этому государственному дѣятелю крупнаго калибра. Она послала ему скорую смерть, когда духовныя силы Витте еще не пришли въ разрушеніе. Большимъ челомъ Витте жилъ, большимъ и умеръ и переходить теперь въ исторію.

А. С. Изгоевъ.